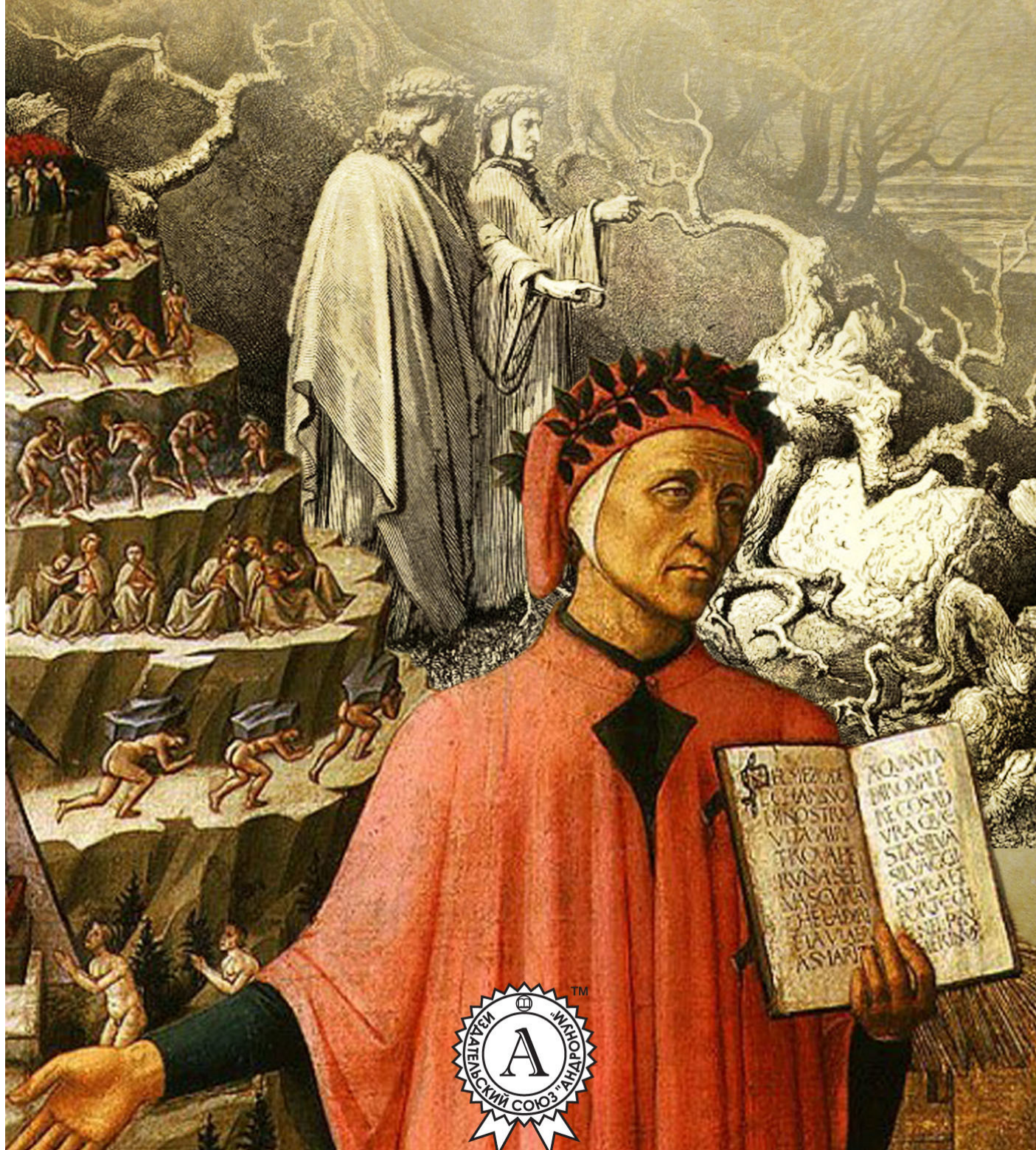

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ РАЙ

Данте Алигьери

Божественная комедия. Рай

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Данте Алигьери

Божественная комедия. Рай / Данте Алигьери —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Божественная комедия. Рай» — третья часть шедевральной поэмы великого итальянского поэта эпохи Возрождения Данте Алигьери (итал. Dante Alighieri, 1265 — 1321).***Заблудившись в дремучем лесу, Данте встречает поэта Вергилия, и отправляется с ним в путешествие по загробному миру. Повидав вместе с Вергилием мучения грешников в Аду и Чистилище, Данте в сопровождении своей возлюбленной Беатриче оказывается в Раю. Здесь обитают блаженные, прожившие жизнь достойно, и среди них поэт узнает многих исторических персонажей. Две другие части этого гениального произведения — «Ад» и «Чистилище». Данте Алигьери заслуженно называют «отцом итальянской литературы». Это издание содержит уникальный редкий перевод легендарного произведения, который выполнил Н. Голованов.

© Данте Алигьери
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Песнь первая	6
Песнь вторая	12
Песнь третья	18
Песнь четвертая	23
Песнь пятая	28
Песнь шестая	33
Песнь седьмая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Данте Алигьери

Божественная комедия

Рай

*Перевод с итальянского размером подлинника (терцинами) Н.
Голованова*

*Его Императорскому Высочеству государю Великому Князю
Константину Константиновичу, с его Августейшего соизволения свой
перевод «Божественной Комедии» посвящает Н. Голованов.*

Песнь первая

Вступление. – Седьмое утро пути. – Вознесение к небесам. – Беатриче говорит о вселенной.

1. Лучи Того, в Ком сила всех движений,¹
Все проникают, хоть в неравной доле:
Здесь ярче и светлее, там же меней.

4. Я в небе был, где слава та всех боле,
И видел, что ни передать понятно
Ни рассказать вернувшимся оттоле;²

7. Зане сознание, к цели благодатной³
Приблизясь, так спешит упиться светом,
Что память уж нейдет оттолк обратно.

10. Но те красоты, из явленных мне там,

---

¹ «Рай» начинается не приведенным здесь длинным посвящением Кану Гранде, герцогу Веронскому. Еще в примечании к 31 песни Чистилища обозначен дальнейший ход поэмы до конца. Предстоящий небесный рай является ничем иным, как развитием данного еще там, в зародыше единения человека с Богом. Это развитие достигает здесь своей высшей цели, т. е. безусловное, небесное блаженство достигается через посредство возрастающего познания Божества до полного погружения в Него и единения с Ним, – верховнейшего идеала обожествленного человечества. Такое восхождение основывается на совершающемся в поэте внутреннем развитии путем двух различных поэтических приемов: 1) поэт посещает ступень за ступенью девять сфер неба, приобщаясь постепенно к блаженству их обитателей, разделяя его и возраста до него; 2) по дороге он воспринимает по поводу них соответствующие поучения о сущностях христианской веры. Первое служит эпической витью поэмы, правда, мало оживленной; второе сообщает поэме преобладающий дидактический характер. Общение по пути с блаженными духами при постепенном прохождении чрез различные сферы мало-помалу приготавливает поэта к созерцанию Божества, а поучения Беатриче, расширяя его кругозор, приготавливают его к богопознанию. Первое дает фантазии поэта простор для создания художественных образов; вторые заключены в строго схоластические рамки. В поучениях Беатриче наблюдается следующий порядок: она говорит: а) об устройстве вселенной, б) о свободной воле человека, с) о грехопадении и искуплении, d) о благодатном предопределении; е) о трех добродетелях вере, надежде, любви, и, наконец f) о природе ангелов. Девять сфер блаженства суть создания собственной фантазии поэта, равно как и местоположение рая на планетах, которые согласно Птолемеевой системе вращаются все на большем и большем расстоянии вокруг земли, замыкаемые небом Неподвижных Звезд и кристалльным небом Первого Движения; хотя Данте распределил блаженных духов по этим семи планетам и двум небесам по принципу все более и более высокого и совершенного блаженства, тем не менее, он хочет показать этим лишь различную степень их совершенства, не отрицая в тоже время равного и полного счастья всех их. Над всеми этими девятью кругами находится огненное небо или Эмпирей, обитель самого Бога, движущая все, но самая неподвижная, внутри которой движутся все остальные небеса в страстном, постоянном желании прикоснуться к ней: отсюда Дант видит всех святых собранных в виде розы. В этом и едином небе все души блаженных распределены постепенно, но все они блаженны одним блаженством; такова общая величавая картина Дантова «Рая». С детски наивными или грубо чувственными поэтическими изображениями загробной жизни в средние века поэма Данта не имеет ничего общего, кроме сюжета. Если в Раю мало движения и действия, то, по самой сущности предмета, там возможно лишь тихое, постепенное, внутреннее развитие без кризисов и потрясений. Беатриче является центральной фигурой поэмы и как возлюбленная Данта, и как олицетворение божественной благодати; ее красота просветляется все больше и больше при вознесении ее от звезды к звезде. Что касается личной и современно исторической стороны поэмы, то Дант является здесь пророком, обличительными тирадами то и дело бичующим свое время, а в символах и аллегориях излагающим просветленные политические и моральные системы из всех известных средних векам.

² Бог, в котором начало всех движений, живет в высшем небе Эмпирее, откуда его свет изливается по всему миру в той мере, как тот или другой предмет способен его воспринять. По Аристотелю и схоластике.

³ «...человека о Христе, еще в теле, еще кроме тела не вем. Иже до третьего небесе восхищен бысть в Рай». Посл. к Коринянам.

Что будто клад сознание сохранило,
Для песен ныне будут мне предметом.

13. Да буду я твоей сосудом силы,⁴
О Аполлон, в труде последнем ныне,
Чтоб мне твой лавр приять достойно было!

16. До сих пор я доволен был единой
Главой Парнасса; ныне ж непременно
Нужны мне обе той горы вершины!

19. Вселись в меня могуче, вдохновенно,
Каким ты был, когда в кровавом ложе
Ты Марсия распутал мощно члены!⁵

22. Обвей меня могуществом, Дух Божий,
Чтоб область Твоей твари первозданной
Изобразить я мог хоть тенью схожей,

25. Да к древу Твоему я невозбранно
Приблизусь, за величие предмета
Листвой, какой достоин я, венчанный!

28. О заблужденье! О позор для света!
Как редко лист срывается лавровый
К триумфу цезаря или поэта!

31. Восторгов бог восторга любит слово,
Коль скоро за пенейскими листьями
Стремиться люди хоть слегка готовы.

34. От искр великое родится пламя;
Быть может, люди, жажда гласов в Кирре,
Молиться станут лучшими словами!⁶ —

37. Чрез много окон свет рассеян в мире,⁷
Но больше всех ему отверстие мило,
Где в три креста сошлось кругов четыре.

---

⁴ Теперь одних муз поэту недостаточно, ему нужен еще и сам Аполлон; а так как, по древнему объяснению Проба к Виргилиевым Георгинам, одна из вершин Парнасса служит обиталищем Музам, а другая Аполлону, то поэту нужны теперь та и другая.

⁵ Марсий – сатир, вздумавший состязаться с Аполлоном, но побежденный им, за что с него Аполлон содрал с живого кожу. – Сравнение мало подходящее.

⁶ Даже и песнь о небе не пренебрегает с Пенейскими листьями» (намек на нимфу Дафну, дочь речного бога реки Пеней, которую Аполлон обратил в лавр), тем более что эти листья теперь так редко требуются и в упавшем искусстве поэзии и в упавшем политическом значении императора. Но задача поэзии – «искрой зажигать великое пламя», передавая великую идею потомству и побуждая последнее к ее проведению в жизнь.

⁷ Здесь снова начинается ход рассказа. Значение терцины – что весна, когда круги горизонта, зодиака и экватора пересекаются кругом равноденствия, образуя три креста, – лучшее и благоприятнейшее время, побуждающее человека в стремлениях к высокому; влияние созвездий в это время особенно благоприятно, ибо лучше «на воске праха его сила кладет печать».

40. Сильней его течение, и светила
Ясней; на воске праха в большей мере
Кладут печати дух его и сила.

43. День поднимался в небе с этой двери,⁸
А с этой ночь; свет с этой половины,
А в той темно казалось эмисфере.

46. Стояла слева Беатриче, в длины
Небес вперяя взгляд, как не глядится
В сверкающее солнце взор орлиный.

49. Как луч другой от первого родится
И блещет вверх, стремясь туда обратно,
Как путник в край родимый, возвратиться,

52. Так взор ее, проникнув благодатно
В меня, зажег такую же алчбу там —
И стало в солнце мне смотреть приятно.

55. Там места нет чувств наших внешних путам
И взоры наши там светлей и чище,
В краях, что сделал Бог для нас приютом!

58. Не долго я глядел, но видел: прыща,⁹
Как сталь в горниле, искр снопом багровым,
Сверкало солнца яркое огнище;

61. И мнилось мне, что днем зажегся новым
День, уж сиявший; и что солнцу брата
Воздвиг Всевышний всемогущим словом.

64. К вращенью неба взоры без возврата¹⁰
Вперила Беатриче; и в нее же
Вонзил я взор, от горних сфер отъятый.

67. Глядясь в нее, я делался похоже
На Главка, что, от некого растенья¹¹
Вкусивши, вдруг семье стал равен божьей.

70. В словах сказать про то перерождение

---

⁸ Полет Данта и Беатриче из земного рая имеет направление от запада к востоку; а так как действие происходит в южном полушарии, и солнце находится от Беатриче влево, куда она и глядит.

⁹ В земном раю, где они находятся и откуда они имеют возможность воздыматься выше т. е. иноказательно, в состоянии возможного для человека совершенства.

¹⁰ Здесь начинается их полет в небесные сферы, непременно условие которого для Данта — устремление взгляда в Беатриче, которая в свою очередь смотрит на солнце. Аллегорический смысл этого понятен.

¹¹ Главк, эвбийский рыбак, который, поевши одного растения, превратился в морское божество.

Нельзя, но и тому примера нету;
Лишь благодать дарует разуменье!

73. Был ли я духом? Ты лишь знаешь это,¹²
Любовь творящая, своей рукою
Подъявшая меня в то царство света!

76. Когда твое движенье вековое¹³
Опять мое вниманье пробудило
К гармонии, уставленной тобою, —

79. Я видел: столько неба охватило
То пламя, что поток иль дождь ужасный
Едва ль бы разлились с подобной силой.

85. И звуков новость и тот свет прекрасный
Зажгли мне в сердце жажду знать такую,
Что век не ощущал я боле страстной!

85. Но та, кто зрит меня, как сам не зрю я,
Ко мне успокоительное слово
Вещала ранее, чем попрошу я:

88. – Ты призраком пленен фальшивым сновом,
Того не видя, в чем сам убедиться
Ты б мог, с себя стряхнувши лжи оковы.

91. Тебе, что на земле мы, верно, мнится;
Но ты несешься к высоте безбрежной,
Как молнии луч чрез небеса стремится, —

94. Но чуть свободен от ошибки прежней,
Я вновь повергнут был в туман сомненья
От слов, мне сказанных с улыбкой нежной,

97. И молвил: От большого удивленья
Свободен я; но все ж меня пугает¹⁴
Мое над всем легчайшим возношение.

100. Тогда она, вздохнувши, направляет
Взгляд на меня, с тем кротким взглядом схожий,

---

¹² См. опять Посл. к Коринеянам. Этот вопрос очень занимал средневековых схоластиков,

¹³ Небо с своими светилами постоянно побуждается к движению жаждою единения с Богом. Бог распределяет и совокупляет гармонию сфер, давая каждой из них свой собственный звук, но соединяя их любовью в; один аккорд и единство, причем все их звука сливаются в одно целое.

¹⁴ Легкие стихии, воздух и огонь, над сферами которых взлетает теперь поэт, тогда как по обычному естественному закону он, будучи тяжелее их, должен был опускаться вниз. Объяснение этого явления должно было последовать, но Данту оно кажется очевидным и необходимым следствием главного и основного стремления, живущего во всем сущем, – кверху, в небеса, к Богу.

С которым мать сыновний бред внимает, —

103. И начала: Людских законов строже
Законы есть и в небе; и вселенной
Законы те даруют образ Божий;

196. И виден в них семье духов блаженной
След вышней силы, — цели той конечной,
Для коей создан строй тот неизменный.

199. И весь тот ряд сознаний бесконечный
Имеет склонности, в различной мере
Его ведущие к той цели вечной.

112. Чрез море бытия к единой двери
И пристани, различными путями
Плывет всяк, своему инстинкту веря,

115. И тот инстинкт луне приносит пламя;
Другой сцепляет шар земли совместно;
Людскими третий властвует умами.

118. Тот лук не только твари бессловесной
Шлет стрелы, но и первенцам творенья
Чарует ум любовью небесной.

121. Слив части все в едином, Провиденье
Собирает их, покой им давши в крае¹⁵
Быстрейшего и первого движенья.

124. И нас мчит сила именно такая,
Все в мире к цели общей и прекрасной,
Единственной неся и направляя.

127. Хоть часто форма твари несогласна
С намереньем Творца и для идеи
Материя бесчувственно безгласна,

130. Или, бороться силы не имея
Нередко тварь на ложный путь вступает,
Коль скоро правда скроется пред нею, —

133. И лживой красотой ее прельщает
Земля и, изменивши путь первичный,
Она во прах и долу ниспадает.

---

¹⁵ Эмпирей, высшее небо, постоянное и неизменное место присутствия Божества, — неподвижно. Внутри его вращается сфера Первого Движения — *Primum mobile*, получающая силу непосредственно из ее первоисточника в Эмпирее и передающая ее другим сферам побуждая их двигаться. Будучи обширнее всех других сфер, она быстрее их в своем движении, к которому она побуждается постоянным желанием (*appetitus*) прикоснуться возможно большею своею частью к Эмпирее.

136. Но как воде стремиться вниз обычно,
Презрев преграды гор и камней груды, —
Так духу к небесам взлетать прилично.

139. Когда б ты не взлетал, то было б чудо,
Как если б, на земле пылая, пламя
Не рвалось всею силой вверх оттуда.¹⁶ —

142. И в небо вновь она впилась очами.

---

¹⁶ Читатель помнит высказанный в первой терцине основной закон вселенной, по которому все в ней стремится к единству в Божестве по мере сил, то более, то менее, то сознательно, то бессознательно, самыми различными путями, побуждаемое стремлением единения с Божеством. Это стремление и есть искра божественного духа сообщающая миру богоподобие (ст. 104, 106–114). В явлениях природы, в стихиях оно проявляется в соблюдении законов природы напр. в полете огня кверху (ст. 115–119). В разумных существах оно выражается в сознательной жажде общения с Богом (ст. 118–121). В Эмпирее такое единение обуславливает вечный мир и успокоение в Боге; в других сферах – вечное, быстрое и неуставное стремление к этой вожаделенной дели (ст. 121–123). Но как бы это стремление ни проявлялось, цель его одна и та же. (ст. 124–126). Высшим существам возможна известная свобода в этом стремлении, ибо они уже переросли возможность заблуждаться и уклоняться от истинного пути (ст. 127–135), но не человеку. Последний должен неуклонно стремиться прямо к дели, как Дант, олицетворяющий это стремлением чувственным образом, возносится сейчас к небу, и освобождается от стеснительных условий телесности (ст. 136–140).

Песнь вторая

Первый отдел: сферы семи планет. – На Луне. – Конец рассказа Беатриче.

1. О вы, чей утлый челн, хоть мал и тесен,¹⁷
Вслед одинокому стремится бегу,
Каким корабль моих несется песен!

4. Домой вернитесь, к верному ночлегу:
Лишь я из виду скроюсь, – бесполезно
Заблудитесь в пучинах вы без брегу.

7. Мне путь в еще не пройденные бездны.
Минерва – ветер мой; Феб мой руль; имею
Я новых Муз вожжами в край надзвездный!

10. Немногие ж, кто протянули шею,
Стремясь за пищей Ангелов святою,¹⁸
Чтоб жить, во век не насыщаясь ею, —

13. Плывите смело в океан за мною,
Пока в глазах у вас я там предъйду;
Но след мой вмиг сотрется вновь волною.

16. Дивиться будете, как не дивились виду
Пастушьему великого Язона
Герои, что отправились в Колхиду!¹⁹

19. Мы возносились жаждою врожденной²⁰
Зреть царство то, что носит образ Божий, —
Со скоростью вращения вселенной.

22. Глядела Беатриче вверх; я тоже

---

¹⁷ Такое предупреждение читателей у папы влить на преобладающий дидактическо– философский характер кантики. Один из биографов Данте Бальби говорит: Последняя часть «Б. К.», которую он окончил в старости, считается самой темной я трудной для понимания частью поэмы. И она, в самом деле, такова, почему и недоступна для большой публики, которую отталкивают многочисленные ее аллегория, устройство ее небес по забытой ныне Птоломеевой системе и ее длинные и темные рассуждения на темы средневековой схоластики. За исключением трех песен, где появляется Качьягвида и некоторых других эпизодов, напоминающих нам о земле, да изредка отдельных стихов, в кетовых высказывается любовь Данте к Беатриче, она останется навсегда достоянием малого меньшинства интересующихся философией и богословием.

¹⁸ Пища ангелов – познание. Convito 1.1: «Все, что призвано Провидением с бытию непосредственно, стремится к собственному совершенству, а так как познание есть крайнее совершенство нашего духа, в котором заключено наше высшее счастье, то мы естественно стремимся к нему. Блаженны немногие, кто сидят за тем столом, где подают хлеб ангелов!»

¹⁹ Аргонавты с удивлением видели Язона пашущим на волах Аэта и сеющим драконовы зубы. Овидий, Metam. VII.

²⁰ Эта «врожденная жажда» есть естественное стремление души к познанию. См. «Чистилище» Песнь XXI. О врожденной жажде, коей утоление. Лишь в той воде благословенно есть, Что самарянка жаждала в моление...

Все на нее глядел; и сроком меней,²¹
Чем в луке бы стрела слетела с ложа, —

25. Примчался в область я, где в восхищенье
Стал нем я. Та ж, пред коею напрасно
Скрывать я стал бы смену ощущений, —

28. Рекла, столь радостна, как и прекрасна:
Стремись к Творцу душою благодарной!
До первых звезд взнесен ты силой властной.²²

31. Мы, мнилось, были скрыты пленкой парной,
Блестящей, толстой, словно грань алмаза,
Средь коей пал луч солнца светозарный.

34. В сей вечный перл мы погрузились сразу, —
Как света луч проходит в бездне водной,
Хоть гладь осталась ровною для глазу.

37. Пусть склонен думать разум земнородный,²³
Что равные несовместимы длины
И что для тела тело непроходно.

40. Тем боле потому узнать причину
Должны мы быть желанием влекомы,
Что с Божеством сливает нас в едино!

43. Должны без доказательств верить в то мы,
Как, в мир вступая, разум наш наглядно
Первичные приемлет аксиомы.

46. Я ей в ответ: Мадонна, сердцем жадно
Стремлюся я к той Мощи животворной,
Меня несущей к высоте отградной.

49. Но молви мне: что порождает черный
Мрак пятен, что в земной убогой сфере
О Каине рассказ рождает вздорный.²⁴ —

52. Она в ответ с улыбкою: Я верю:

---

²¹ Дант картинно рассказывает о своем поднятии на Луну в обратном порядке – сперва прибытие, потом вознесение, наконец, начало подъема, – точь в точь как описывается выстрел из лука Пандара в IV песни Илиады.

²² Т.е. на Луну.

²³ Дант проник в вещество лунной сферы как луч в воду, погрузившись сам весь в него вопреки естественному закону непроницаемости одного тела другим и их взаимной несовместности на одном и том пространстве. Как это возможно, – понять нельзя; но человек должен тем более стремиться к лицезрению Божества, в котором ему станут ясны еще менее понятные вещи, как напр. единение божественной и человеческой природы без их взаимного исключения, – что хотя и недоступно нашему разумению, но может быть воспринято нами непосредственно, как первичные аксиомы.

²⁴ Известно, что в пятнах на луне простонародье думает видеть Каина со связкой хвороста.

Ключ внешних чувств, опора вашим мненьям²⁵
В духовный мир вскрывает плохо двери.

55. Не будь врасплох застигнут удивленьем,
Затем, что каждый орган чувств животный
Ваш, разум лишь приводит к заблужденьям.

58. Но молви, как ты мыслишь сам? – Охотно,
Я отвечал, – Причина, без сомненья,²⁶
Что вещество то жидко там, то плотно. —

61. Она ж в ответ:,В подробном объясненьи
Когда бы правду я тебе открыла —
В своем ты убедился б заблуждены

64. В восьмой из сфер небесных есть светила,²⁷
И в многочисленной семье их славной
Они различны свойствами и силой.

67. Будь вещество тому причиной главной —
Оно б разлилось во вселенной целой
Иль в густоте различной или в равной.

70. Различие в достоинстве есть дело²⁸
Начал, дающих форму; те ж начала
Ты исключил догадкой неумелой.

73. Когда бы плотность пятна те рождала,²⁹
Там вещество должно в зерно бы слиться,
А там совсем оно б оскудевало.

---

²⁵ Смысл этого (a minori ad maius): не удивляйся, если человек немного знает о духовном, сверхчувственном мире, если даже и в вещах познаваемых чрез посредство чувств, вроде пятен на луне, возможны такие грубые ошибки.

²⁶ Более сильный или слабый свет луны в различных ее частях происходят, по мнению поэта, от большой или меньшей густоты ее массы; Беатриче опровергает его мнение и доказывает, что это происходит от отражения света различной силы и степени, производимого через посредство веба Неподвижных Звезд.

²⁷ Это восьмое небо, небо Неподвижных Звезд, проявляет в своих доступных зрению светилах не только различную силу света, но и различные его роды и степени, хотя, тем не менее, источник их один.

²⁸ Начала, дающие форму (principia formalia), – схоластический – термин – принципы или силы, по которым образуются формы. Одной из величайших трудностей при переводе этой части «Б. К.» является несуществование на русском языке схоластических терминов. Их покойный проф. Ф. И. Буслаев завещал переводчику искать в Изборнике Святослава и Иоанне, Экзархе Болгарском. Переводчик не воспользовался этим указанием, полагая, что русский термин XII века будет настолько же, если не более, непонятен, как и латинский и только еще затемнит и без того темный смысл дидактических мест поэмы.

²⁹ Вот вкратце смысл рассуждения: лунные пятна происходят не от полной или частичной прозрачности лунной сущности, а от различной силы – сообщаемого луне чрез посредство сферы Неподвижных Звезд – первичного света. Ложность выраженного поэтом мнения доказывается не только воздействием различных сил, но и законами оптики. Если бы светлые и темные пятна на луне происходили от большей или меньшей толщи ее массы в различных ее частях, то были бы возможны два случая: или в некоторых местах лунный шар мог состоять сплошь из более разреженной массы, по отражающей свет, но пропускающей его; или такая масса могла быть распределена лишь по его поверхности, прикрывая внутри собою другую массу, более твердую. В первом случае, при солнечных затмениях, когда луна становится между землею и солнцем, в тени луны, падающей на землю, замечались бы просветы, чего, как известно, не бывает. Во втором случае луч, пройдя прозрачный слой, должен отразиться внутренней массой (ст. 82–87). Но это отражение от более или менее отдаленного света различается не яркостью, а лишь размером (88–96), что и доказывается опытом с тремя зеркалами, поставленными на различном расстоянии.

76. Иль как в зверях, – там толще жир сгустится,
А там спадет, – так книга сей планеты
Имела бы различные страницы.

79. Конечно, обнаружилось бы это
Немедленно при солнечном затмении,
Являя для лучей его просветы.

82. Но не бывает так. Предположение,
Поэтому, такое неудачно.
Рассмотрим же твое второе мнение.

85. Коль скоро тело не было б прозрачно,
Тогда предел найдется, до какого
Дойдя, луч поглотится в массе мрачной.

88. И он воротится обратно снова,
Как от стекла он должен возвратиться,
За коим сзади лист лежит свинцовый.

91. Конечно, можешь ты отговориться
Еще предположением возможным,
Что в большей глубине он отразится.

94. Но мнение то ты вновь признал бы ложным,
Коль опыты тебе б то доказали, —
Родник всем вашим знаниям ненадежным.

97. Три зеркала, – два ближе, третье дале
Поставив, – так стань сам, чтоб этом ряде
Твои глаза меж первых двух стояли.

100. Пускай на них свет упадает сзади —
И всеми зеркалами отраженный
Луч, возвратясь, в твоём сольется взгляде;

103. То отблеск в нём, настолько ж напряженный
Родится, (хоть совсем не столь пространный)
Поверхностью самой отдаленной.

106. Но как луч солнца воскресит багряный
Первичный цвет в цветах, что мрак полночный
Успел одеть в покров холодный лдяный,

109. Так истиною просвещенный точной
Блести теперь, и пусть ее зарею.
Растопятся твои сомненья мощно!

112. Есть тело в небе вечного покоя,

Что жизнь в себе как свойство заключает
И бытие кружась родит. Второе³⁰

115. Небес пространство, что на нас взирает
Столь многими очами, сей первичный
Источник бытия распределяет.

118. Другие сферы с силою различной,
Жизнь в ряд причин и целей неизменный
Связав, ведут в вселенной строй обычный.

121. Ты видишь, эти органы вселенной
Несут все сверху принятое ниже,
Его распределяя постепенно.

124. Заметь, как ныне подошла я ближе
К ядру причин, тебе столь непонятных,
Да истину сам впредь отыщешь ты же!

127. Мощь и движенье сфер сих необъятных,
Точь в точь от кузнеца удар кузнечный, —
Все от Вождей исходит благодатных.

130. То небо, что блесит в красе предвечной
Столь многих звезд, сияет отпечатком
И мудрости подобьем бесконечной.

133. Как в вашем прахе жизненным порядком
Дух разовьется, с телом слитый тесно,
Способностей различных став начатком, —

136. Так мудрость развивается в небесной
Семье светил, чтоб вновь неразделимой
Сойтись с их совокупности совместной.

139. Различье сил с камнями дорогими
Сливается, им жизни дав основу

---

³⁰ Здесь Дант подходит к главному предмету двух первых песен – к описанию устройства вселенной и к изложению системы последней. Эта система уже в общем очерке рассказана в примечании к I. и, рассказ здесь приходится добавить следующими подробностями. Внутри Эмпирея, «неба вечного покоя», резиденции Божества, вращается другая сфера, *primum mobile*, небо Первого Движения, которое воспринимает от предыдущего жизнь и силу, распределяемые следующей сферой, сферой Неподвижных Звезд, «взирающей на нас столь многими очами», по более низшим сферам, соответствующим различным планетам, постепенно и в различной мере. (112–123) Но такое разделение производится не самими планетами, а обладающими сознанием началами «благодатными Вождями, интеллигенциями на языке средневековой схоластики, ст. 129. (С одной из таких интеллигенций, – Фортуную – читатели уже встречались в VII песни Ада). В этой функции мистическое богословие полагает если не единственное, то главное занятие этих блаженных духов. Как в микрокосме – человеке первичная сила, истекающая из сердца, (Чистилище, песнь XXV) образует душу, развивающую потом различные органы (ст. 130–135), так и в макрокосме-мире истекающая из первичного света (Эмпирея) и от высшей интеллигенции (Божества, мировой души) сила, чрез посредство низших интеллигенций – ангелов, образует и распределяет различные влияния и воздействия – ст. 136–141. (Бозций и плтоники) Таким образом вселенная вся проникнута этим животворящим верховным светом, а находящаяся посреди ее земля, благодаря своей неподвижности, наиболее восприимчива к этим влияниям (астрология).

И словно жизнь, срастаясь крепко с ними.

142. Рождаясь от источника святого,
В звездах сияньем силы те сияют,
Как радостью блеск зрачка живого.

145. И силой их лучи не совпадают
Не от различной плотности; начала,
Дарующие форму, освещают

148. По мере сил их, – много или мало,

Песнь третья

На Луне (продолжение). – Обитательницы Луны. – Пинкарда. – Констанца. – Рассуждение о степенях блаженства.

1. То солнце, коим страстию любовной³¹
Зажжен я в детстве был, лучами спора
Открыло мне лик правды безусловной.

4. Разбитым ею, побежденным скоро
Признав себя, – как сделать было надо, —
Я поднял голову для разговора.

7. Вдруг мне явилось зрелище, для взгляда
Столь сладкое, что даже угасало
Сознание пред этою отрадой!

10. Точь в точь сквозь грани чистые кристалла,³²
Иль сквозь струю прозрачного потока,
(Чтоб только дна она не затемняла),

13. Черты лица бледнеют, так что око
Жемчужную на белой шее нить
Едва лишь различает издалёка, —

16. Я видел лица с жаждой говорить —
И был в ошибке противоположной
Той, что могла Нарцисса погубить.³³

19. За отраженья в зеркале их ложно
Принявши, повернулся я назад,
Чтоб мне лик к лику зреть их было можно,

22. И – никого не встретив, был объят
Я удивленьем; но подобно матери
Она улыбкой встретила мой взгляд.

25. – Не подивись, что на шаги дитяти

---

³¹ Солнце – Беатриче или олицетворяемое ею богословие.

³² Глубокая вода или темное стекло отражают облик ясно и отчетливо; но то, что видит Дант, представляется ему в легком обрисе, словно отраженное чистым стеклом или неглубоким, не закрывающим дна, потоком.

³³ Нарцисс, увидевши свое изображение в ручье, принял его за действительность; а Дант впадает в противоположную ошибку, принимая действительность за отражение. (Это место вдохновило Боттичелли). На Луне, которая дальше всех других планет отстоит от Эмпирея, – о чем говорилось выше, – и единственная из них является с темными пятнами, обитают блаженные души тех, кто не исполнили своих обетов. Но эти души все-таки блаженны, совершенно умиротворены и успокоены тем, что Божия воля указала им эту сферу, ибо блаженство состоит в полной самоотдаче воле Бога.

Я улыбаюсь; но пока для ног
Твоих непрочно почва благодати,

28. И стоит каждый шаг тебе тревог.
То – истинные сущности и лица
Тех, кто обет свой выполнить не мог.

31. Так говори ж и слушай, чтоб дивиться;
И верь: свет, всех животворящий, оный
От истины не даст им уклониться.³⁴ —

34. Тогда к душе, всех боле к речи склонной,
Я подошел, к беседе столь приятной
Излишне пылкой жаждою смущенный.

37. – Дух, что рожден для доли благодатной,
Вкушающий ту сладость и красоты,
Что всем, их невкушавшим, непонятны!

40. Прошу тебя, открой и молви, кто ты,
И назови живущих здесь над твердью.
– Тогда душа ответила с охотой:

43. – Вскрыть жажде правой дверь в нас есть усердьё,³⁵
Зане всю свиту милостью Богатый
Себе уподобляет в милосердии.

46. Я инокинею была когда-то
И, – хоть теперь прекрасней я, – но взоры
Вприв острей, узнать бы мог меня ты.

49. Пиккарда я, причисленная к хору³⁶
Блаженных, и блаженства пью струи я,

---

³⁴ Видящие постоянно Бога и проникнутые его светом души никогда уже не могут отступить от истины.

³⁵ Любовь божия призывает всех зажженных ею быть ей подобными

³⁶ Пиккарда, о которой упоминается в XXIV, 10, Чистилища, сестра Корсо и Форезе Допати вступила в монастырь, хотя она была уже помолвлена; но Корсо взял ее оттуда насильно и принудил выйти замуж за Розеллино делля Поза. Последнее было нарушением монашеского обета. За это она находится на Луне, в области низшей степени блаженства, – хотя духи, обитающие там, не стремятся к более высоким степеням (ст. 52). В Пиккарде и ей подобных, хотя просветленных и одухотворенных, все-таки Данту еще можно узнать их земной облик (ст. 47–49); у духов в следующих сферах он совершенно преобразается и исчезает. Из ее слов читатель видит, как Дант в интересах поэзии, без внутреннего противоречия с понятием о Рае, мог разделить праведников на девять кругов, сообразно большей или меньшей мере достигнутого ими в земной жизни совершенства: хотя блаженство едино, но оно различным образом отражается в различных духах, и наоборот, его сущность дает простор все к большему и большему погружению в океан Божества, но на каждой стадии этого погружения душа вполне умиротворена и полна; единение с волею Бога и нежелание ничего другого, кроме того, что им дано, – вот их блаженство. – Если здесь, в низшей сфере Рая, мы встречаем не соблюдавших монашеский обет, то мы позже увидим, что высшая степень земного совершенства, по понятиям Данта, заключается в созерцательности; поэтому низшая степень его – избрать путь созерцательной жизни и вновь отступить от него. Подвижники созерцания помещаются поэтому в высшей, седьмой сфере, а не выдержавшие подвига – в самой низменной, так что все остальные степени находятся между них. Этих степеней, как мы увидим ниже, пять; последние два круга, восьмой и девятый, – обитель апостолов и ангелов; наконец с последней сферы, Эмпирея, все собрание блаженных духов представляется Данту в виде небесной розы.

Витая в сфере, хоть всех мене скорой.³⁷

52. Но Дух Святой, что наши симпатии
Один возжег, внушил нам – сферы эти
Любить, Его уставы чтя святые.

55. Удел наш, столь завидный в вашем свете,
Нам дан за то, что мы обеты наши
Не соблюли, небрегли об обете., —

58. Я молвил: Лик ваш просветляет краше —
Не знаю я – божественное что-то,
Преобразив черты земны ваши.

61. В узнаныи был я медлен оттого-то.
Но речь твоя ко мне была подмогой,
Чтоб ум восстановил твои красоты.

64. Но молви: вы, кто счастливы столь много,
Желаете ль себе вы места выше,
Чтобы полней любить и видеть Бога? —

67. Она переглянулась, это слыша,
С другими и ответила с такою
Улыбкой, как любовью первой пыша:

70. – Брат! Добродетель милости в покое
Нас убажает; мы не хотим боле
Того, что есть; нас не влечет другое.

73. Когда б вздыхали мы о лучшей доле,
Желанье наше не было в согласьи
С верховной, здесь нас водворившей волей,

76. Что невозможно в этих сферах счастья,
Суть коего любовь; необходимо
Жить в ней, чтоб в радости приять участие.

79. Вся суть блаженства, коим здесь горим мы, —
Чтоб волею Божественной единой
Желанья наши были разрешимы.

82. Здесь лестницей поставлены мы длинной, —
Как будет царству и Царю желанным,
Чья воля нашей быть должна причиной.

---

³⁷ Сфера, наименее скорая – сфера Луны, которая пробегает сравнительно малый путь в то же время, когда планеты более высокие проходят необъятные пространства.

85. В ней – мир наш; и она-то океаном
Струит мир без предела и без края
Всем, ею и природою созданным.³⁸ —

88. Я понял: всюду в небе – сладость рая,
Хоть и неравномерно в нем разлита
Любовь, блаженство льющая, святая.

91. Как блюдом мы одним бываем сыты,
А потому хотим и ждем другого,
К тому уж не имея аппетита, —

94. Явил я – чрез движенье и чрез слово —
Желание узнать об этой ткани,
Которая осталась неготовой.

97. – Здесь покрывало девственниц желанней;»
Она рекла – высоким сим заслугам
Здесь в небе выше степень воздаяний.

100. Как те, кто жить по смерти хотят с Супругом,
Что принимает всякие обеты,
Согласные с Его желаний кругом, —

103. Я в молодости отреклась от света
И избегала лжи его прелестной,
В покровы иноческие одета.

106. Но человек, привыкший к злу, бесчестно
Меня увлек из моего приюта.
Что было дале – Богу лишь известно.

109. Сиянье то блестящее, как будто
Весь свет родился из его утробы,
Которое там видишь, в том краю ты, —

112. То ж о себе, как я, сказать могло бы,
Лишенное покрытия святого
И не соблюдши тень его до гроба.

115. Но против воли в мир вернувшись снова,
Средь мира и его неправды дикой,
Она с души все ж не сняла покрова.

118. То блещет свет Констанции великой;³⁹

---

³⁸ О непосредственном творчестве Бога или творчестве чрез посредство Его служительницы – природы и их взаимном различии см. конец VII песни. 95. Т. е. о неисполненном обете.

³⁹ Констанция, дочь сицилийского короля Роже, была супругою Генриха VI, сына Фридриха I, и матерью Фридриха II. Известие, что она в Палермо постриглась в монахини, во вновь была увлечена в мир, не подтверждается историей.

Родившей гром последний Швабской славе
Грозе второй от Швабского языка. —

121. Пиккарда смолкла и запевши Ave
Исчезла, как, попав в поток глубокий,
В кристалле струй исчезнет камень въяве.

124. Мой взор следил за нею так далёко,
Как только мог; и вновь мной овладела
Отрады жажда, более высокой.

127. Я в Беатриче взор вперил всецело.
Ее лицо еще ясней зажглось;
Сперва поник я взглядами несмело,

130. А после – был подвигнут на вопросы.

Песнь четвертая

Продолжение рассуждения Беатриче о степенях блаженства и свободе воли.

1. Меж двух равно далеких вкусных блюд⁴⁰ —
Граница для решительности всякой;
Ослу между двух копен выбор в труд.

4. Меж двух ягнят остался б одинако,
За кем погнаться, не решившись —
А меж двух серн охотничья собака, волк,

7. И я так в нерешительности смолк;
Свою Владычицу спросить не смея,
Мои сомненья взять не мог я в толк.

10. Я был безмолвен; лик мой тем яснее
Мое недоумение явил,
Как если б речь о том я вел пред нею.

13. И Беатриче – словно Даниил⁴¹
Сон угадал Навуходоносора,
И ярость тем неправую смирил, —

16. Сказала мне: «В тебе подъемлют споры
Два рода мучащих», тебя сомнений;
Ты их страшишься вверить разговору.

19. Ты молвишь: чем заслуга малоценней,⁴²

---

⁴⁰ В басне Буридава (схоластика XIV века) осел между двумя связками сена умер с голоду от нерешительности, за которую приняться.

⁴¹ Даниил угадал сон, виденный Навуходоносором, ранее, чем царь рассказал ему его, и этим спасся от его гнева, которому подверглись неумевшие это сделать халдейские мудрецы.

⁴² Данта мучают сомнения двоякого рода: второе, разрешаемое сначала, – не подтверждает ли размещение блаженных душ по планетам учение Платона, выраженное в «Тимее» и состоящее в том, что каждая душа возвращается после смерти к той звезде, где она обитала в своем доколыбельном существовании (ст. 22–24). Беатриче объясняет, что о приурочении души к известному месту или увеличении и уменьшении сущности блаженства здесь не может быть и речи (ст. 26–48, сравн. ИИ, 70 – 008). Серафимы, «обожевшись всех более» – *che più s'india*, – а равно св. Дева и высшие святые находятся собственно в одном и том же Эмпирее (ст. 34), где они блаженно и вечно (ст. 33) обитают. Лишь различная степень погружения в созерцание Божества видимо символизируются для Данта их расположением по различным кругам (ст. 35–39, сравн. XXVIII, 106), что служит лишь образом, подобным тем, к каким прибегает св. Писание, приписывая Богу руки и ноги, или изображая ангелов в человеческом виде (ст. 40–46). Поэтому, если учение Платона принимать буквально, то оно ложно (ст. 49–54). Но если это учение лишь образно говорит о влиянии известных планет, под которыми находится душа, и о том, что она возвращается к ним в смысле принесения им известной доли совершенства, достигнутого под их влиянием, – то в учении Платона есть нечто ценное (ст. 55–59). Здесь, таким образом, Дант повторяет глубоко укоренившийся в его современниках взгляд об астрологическом влиянии в смысле индивидуальной степени забот. Провидения о каждой отдельной человеческой личности, – причем совершенно серьезно предостерегает от поклонения звездам (ст. 61–63). Читатель видит, как он проводит тонкую

Коль скоро, при насилии свершенном,
Пребудет воля чистой тем не менее?

22. Другой вопрос: ты в мнении с Платоном
О преселении на звезды схож,
Коль скоро дух с земным простится лоном;

25. И как обоими равно гнетешь
Ты разум свой, то раньше уясним мы
Сомнение то, в котором боле ложь.

28. Обожесться всех боле, серафимы,
Два Иоанна и сама Мария,
И Моисей, и кто всех выше чтимы, —

31. Витают в том же небе все святые,
Не долговечней в счастье и не кратче,
Чем ведущие с тобою речь другие.

34. Но в круге высшем все ж, различно знача,
Они располагаются различно,
Дух вечный менее чувствуя иль паче.

37. В тех, что объемлет этот круг первичный,
Тебе нижайший их отдел показан,
Их меньшей добродетели приличный.

40. Зане ваш дух вещественностью связан,
И путь один, доступный пониманью,
Вам чрез посредство внешних чувств указан

43. Вот почему, к вам снисходя, Писанье
Вам кажет правящую Божью силу
Десницей Вышнего, – в иносказанье.

46. Вот почему оно изобразило
В подобье плотском спасшего Товита,
И Михаила тоже, и Гавриила.

49. Так видишь в рассуждении души ты,
Что мысль Тимеева другого рода,
(Когда иного смысла в ней скрыто)

52. Коль он в возможность верует восхода
Души в тот мир, где ранее витала,
Чем с формой сопрягла ее природа.

границу между учением о всеобщем блаженстве праведников и личном возмездии по заслугам (утверждаемым Писанием и церковью, Иоан. 14, 2, I Корин. 15, 41); это вызвало одного из старых его комментаторов Ландино на сравнение их с сосудами различной величины, которые все одинаково полны, хотя больший вмещает большее количество жидкости, чем другие.

55. Но если речь его и недосказала
Всего и смысл сокрытый в ней остался,
Насмешек не достоин он нисколько.

58. Сказав: след их влияния возвращался
К светилам тем иль честью иль позором,
До цели правды лук его касался.

61. И заблуждением стало то, которым
Мир приведен был скоро к поклонению
Юпитеру, Венере, звездным хорам.

64. Не вредно столь второе заблуждение:
Ты от меня, твоим сомненьям вверясь,
Не станешь в столь просторном отдаленье.

67. Что наша правда, вашей правдой мерясь,⁴³
Для ваших взглядов кажется вам лживой,
Ученье веры то, не злая ересь.

70. Но так как эту б истину могли вы
Понять, – исполню я твое желанье,
И станет ясно все тебе на диво.

73. Коль кто насильем принужден к деянию,
Страдательно покорствуя, то все же
Ему насилье то – не оправданье.

76. Не гасит волю сила, уничтожа;
Зане с огнем, на зло ветрам и вьюгам,
Несущимся горе, в нас воля схожа.

79. Такая воля век не будет другом
Насилью! Но так сделать не умела
Чета, что первым сим объята кругом.

82. Когда бы воля их осталась целой,
Как до конца пребыли тверды строго
Лаврентий на решетке, муций, смелый, —

85. То, чуть освободившись, на дорогу
След этой волей был бы им указан;
Но смертных с волею такой – немного.

---

⁴³ Сомнение в том, вполне ли справедливо небо в каждом отдельном случае, истекает из веры в его общую справедливость, а потому не должно считаться ересью и вполне законно. «Наша правда» есть правда Бога, который, как говорит предыдущая песнь, «уподобляет себе всю свою свиту».

88. Коль принял ты, – как сделать ты обязан —
Мои слова, – то, верно, устранили
Они всю ложь и узел твой развязан.

91. Но эти объяснения послужили
В тебе к недоумению такому,
С каким бороться ты не будешь в силе.⁴⁴

94. Вложила я в твой ум, как аксиому,
Что дух блаженный быть не может лживым,
Всегда первичной истиной влекомый.

97. И перед разумом твоим пытливым
Могла любовь Констанции к покрывалу
Моим речам быть противоречивым

100. Нередко и с тобою, брат, бывало:
Опасности бояся малодушно,
Чего не надо, делал ты, пожалуй.

103. И Алкмеон так сделал благодушный,
И нечестивым стал из благочестья,
И мать убил свою, отцу послушный.

106. И вот к чему твой ум хочу привести я:
Коль сила с волей заодно, – верховной.
Такой проступок не оправдан мстью.

109. Назло согласья в воле безусловной
Нет: но она согласна, быть отказом
Своим бояся более греховой.

112. О воле безусловной так рассказом
Пиккарда говорит, я ж про другую
Речь повела; мы обе правы разом.⁴⁵ —

115. Так, мир неся и душу мне чаруя,
Текли того источника струи,

---

⁴⁴ Это истекает из согласования учения о свободной воле, изложенного в Чистилище, песнь XVI. 70 и XVIII, 19–75 с положением Аристотеля и Фомы Аквинского, что воля имеет врожденную способность противления и что всякий поступок, сделанный во избежание опасности, есть ответственный акт свободной воли. Поводом к этому сомнению является Констанция, которую Пиккарда в песни 111, 115, назвала внутреннее невинною. Смысл ответа, что вынужденные волевые акты будут признаны произвольными лишь в той мере, в какой они являются инстинктивным уклонением от опасности, при чем воля сама по себе оставалась ненарушимо направлена ко благу. С другой стороны, эти акты как бы произвольны в том отношении, что воля, «избегая большей опасности», стремилась к меньшей. Такое различие, по Аристотелевой этике, допускает относительную извиняемость, но все таки безусловную виновность таких *causae roixtae*, с чем согласен и Фома Аквинский. О свободе воли см. в след. песни ст. 19–24. 103. Об Алкмеоне см. прим. к п. XII, «Чистилища».

⁴⁵ Теперь излагается первое сомнение Данта, касающееся специально обитательниц Луны. (19–21). Если они отторгнуты от своего обета насилием, то в чем их вина, о которой идет речь в песни III, 30 и 57 ст.?

Что правду зарождает в нас любовь.⁴⁶

118. – Любовь Первоисточника любви!⁴⁷
Тобой душа моя воспламенилась
И силы обновляются мои!

121. Моя любовь не столько укрепилась,
Чтобы воздать тебе; пусть все Могущий
И зрящий все воздаст тебе за милость.⁴⁸

124. Наш ум не сыт ничем иным, как сущей
Во веки истиной, пред коей ложным
Предстанет всякий призрак, нас влекущий.

127. Как зверь в берлоге, так умом тревожным
Почием в ней мы, и успокоенье
Вне этой правды, станет невозможным.

130. Так, у подножья истины сомненье⁴⁹
Родится и дарует смертным силы
Вздвигаться на ступень вслед за ступенью.

133. Вот что меня зажгло и окрылило
Вас спросить, Мадонна, да ответом
Я уясню все, что темно мне было.

136. Хочу я знать: нарушенным обетам
Возможно ль возмещение какое
Делами, что столь ценны в царстве этом? —

139. Она взглянула на меня с такою
Любовью, в искрах глаз ее открытой,
Что, побежденный, пристыженный вдвое,

142. Поник я взглядом в землю, как убитый.

---

⁴⁶ Т. е. слова Беатриче, которая, созерцая постоянно Бога, все что говорит, почерпает из Него.

⁴⁷ Любовь Первоисточника любви – Беатриче, как олицетворение божественной благодати.

⁴⁸ Т. е. пусть Бог тебе возместит все то, что ты отдала мне своим словом.

⁴⁹ Человеческая пытливость рождается из естественной любознательности и жажды Богопознания; поэтому «сомнение рождается у подножья истины» и есть вполне законное средство для увеличения познаний.

Песнь пятая

Заключение предыдущего рассуждения об обете. – Вознесение на Меркурий.

1. – Коль скоро я огнем любви блистаю
Сильней, чем вынести можно оком тленным,
И светом твое зренье затемняю, —

4. То не дивися: в зренье совершенном
Окрепнув, обсуждение поспешает⁵⁰
Сравняться с восприятием мгновенным.

7. Уж отблеск и в твоих глазах блистает
Того, что свет зажег тебя незримый,
Что всяким веяньем любовь рождает.

10. И коль в другом добро какое чтим мы,⁵¹
То, значит, этот отблеск, нам невнятный,
Нам тайно осенил предмет любимый.

13. Ты хочешь знать: пред правдой благодатной⁵²
Какой ценой возможно искупленье,
Когда обет нарушен святотатно?

16. Так искрами святого поученья
Владычица мне просветляла очи,
Не прерывая слов своих теченья:

19. Дар высший, данный Божьей дланью отчей,
Гласящий про любовь Его всех боле,
Им выше ценится, чем всякий прочий.

22. Тот дар великий есть свобода воли,
Что им дана разумному творенью,
Хотя всему, но никакому боле.⁵³

---

⁵⁰ Образное указание на постоянное преуспеяние Данта в способности созерцать Бога при постепенном его вознесении выше и выше.

⁵¹ Лишь истинный и вечный свет зажигает любовь. Земные предметы могут лишь постольку возбуждать ее, поскольку они озарены его светом, т. е. поскольку в них есть нечто божественное.

⁵² Следующая теория об обете и о возможности или невозможности возмещения его другими жертвами взята Дантом у Фомы Аквинского и Гюго де Сен Виктор (средневековой мистик, на родство с которым претендовал Виктор Гюго в «Miserables»). Не будем утруждать читателя подробным ее разбором, так как ее изложение не отличается поэтическими красотоми.

⁵³ Все разумные твари одарены свободой воли, но только разумные (сравн. предыдущую песнь).

25. Отсель – обета важное значение.⁵⁴

Приносишь волю в жертву ты, коль скоро
Господь твое приемлет приношение.

28. Представ пред Богом с жертвою, с которой
Ничто другое в мире не сравнится,
Ты с Богом связан силой договора.

31. Как или чем той жертве заменить?
Как милостыня краденым преступна,⁵⁵
Преступно так обетом поступиться.

34. Но с этим мысль поставив совокупно:
Дар церкви разрешать обеты ведом!
Душа твоя сомненьям вновь доступна.

37. Пребуди еще покуда за обедом,
И если тяжело варима пища,⁵⁶
За ней лекарство дам тебе я следом, —

40. Да будешь высшей мудрости жилище:
Ведь слышать мало, надобно усвоить;
Усвой мои слова полней и чище!

43. Два пункта в жертве могут мысли стоять,
И первый пункт – какой избрать предмет;
Второй – как крепкий договор устроить.

46. Последнему замены в мире нет:
Как свят он, объяснила уж тебе я,
И научил тебя в том мой ответ.

49. Но допускали в жертвах Иудеи,⁵⁷
Как сам ты знаешь, иногда замену,
В законе разрешение имея

52. Заменою, обету равноценной, —
Без совести упреков и утраты
Пред Богом, – искупать обет священный.

55. Но лишь ключом из серебра и злата, —
И никакою прочей волей в мире, —

---

⁵⁴ Давший Богу обет уже отрекается от своей свободной воли и должен пополнить этот обет, хотя бы вопреки своей воле; потому то высокая ценность обета и заключается в том, что человек жертвует Богу высшим Божиим даром – своею свободною волей.

⁵⁵ Если ты принесенную тобою в жертву Богу (путем обета) свободную волю направишь на другое, ты совершаешь преступление, потому что она тебе уже не принадлежит.

⁵⁶ Если слышанное уже тобою трудно понимается, то дальнейшие рассуждения тебе в этом помогут.

⁵⁷ В гл. 12 и 27 третьей книги Моисея Иудеям было дозволено заменять некоторые предписанные им жертвы другими.

Быть может ноша прежняя отнята.⁵⁸

58. Обет же новый тяжелей и шире
Быть должен по сравненью с тем, что сложен:
Будь новый шесть, коль прежний был четыре!

61. Дабы он, на весы суда возложен,
Перетянул на вечном коромысле,
И выкуп новый не был пуст и ложен.⁵⁹

64. О смертный, не шути с обетом! В мысли
Всегда имей поступок Иефеая
И наперед последствия исчисли;

67. Но помни: зло, что сделал сознавая,
Ты прекратить скорей всегда обязан,
Чем продолжать, обет свой соблюдая.

70. Тому пример в истории указан,
Как был за Ифигению сонм целый
Вождей стыдом и горестью наказан.

73. Не будь, христианин, столь скор до дела,
Как пух, по ветру двигаться готовый:
Не всякой влагой моешься добела!

76. Дарован Ветхий вам Завет и Новый;
Блистают церкви пастыри пред вами, —
Вам полно для спасенья Божья слова.⁶⁰

79. А вы, страстям дурным покорны, сами
Бессмысленно влечетесь вы, как стадо,
На срам перед соседями жидами!⁶¹

82. Вам на ягнят похожим быть не надо,
Что покидают мать высокомерно
И убегают дерзко за ограду!

85. Она рекла, вперивши взгляд усердно
В сиянье боле светлое, в стремленье
К иным ступеням жизни сей бессмертной.

---

⁵⁸ О ключах см. IX песнь «Чистилища».

⁵⁹ Следовательно, если данное обещание настолько ценно, что не может быть искуплено ничем другим, то такая замена совершенно невозможна; потому что заменить обещанное мы можем лишь чем-нибудь более ценным, чем первое.

⁶⁰ Предостерегая от легкомысленного давания обетов, Дант набрасывается на чересчур легкое разрешение от них, практикуемое духовенством его времени, и высказывает при этом реформационную идею, — что св. Писание должно быть истинной нормой христианской жизни, а не произвол духовенства.

⁶¹ У евреев, вследствие мелочной определенности предписаний их закона, духовенство далеко не пользуется таким значением, как у христиан, которые верят ему больше, чем Божьему слову.

88. Молчанье, перемена в выражении
Лица у ней – мне замолчать велели
И прекратить вопросов предложение,

91. И быстро, – как стрела подходит к цели,
Не истощивши быстроты до сыта, —
Мы во второе царство прилетели.

94. Была Мадонна радостью облита:⁶²
Та радость в новом блеске ярком света
И новом рдении была открыта.

97. Кто б видеть мог – так как я видел это,
По всем путям прошедший мир, – улыбки
И измененье в смехе сей планеты!

100. И как, при появлении корма, рыбки⁶³
Зеркальную струю пруда встревожат,
Сбираясь стаею, легки и гибки, —

103. Огни отовсюду мчались так, быть может,
Меня увидевши и восклицая:
Вот кто любовь, нас жгущую, умножит!»

106. Когда же к нам приблизилась их стая,
Я видел, как блаженство в них кипело,
Их переполнив счастьем свыше края.
109. Читатель! Сам представить опыт сделай, —
В то время как все видел, и молчал я,
Какая жажда знать во мне кипела!

112. И ты поймешь, как жаждой той сгорал я,
Про жребий их узнать стремясь сердечно, —
И оком жадным блеск их созерцал я.

115. – Блаженный дух, ты, кто узреть предвечный
Престол триумфа призван, ты, о воин,
Еще борьбы не ведавший конечной!

118. Мы зажжены тем светом, что удвоен
И приумножен дале; мы готовы
Сказать все, чем твой будет глад спокоен.» —

---

⁶² Попадая в новую сферу, на Меркурий, Беатриче блистает ярче; этот блеск увеличивается все более и более по мере ее приближения к Богу.

⁶³ Читатель уже привык к тому, что обыкновенным вещам Дант находит необыкновенные сравнения. Спешное приближение рыбок, ищущих корма, отлично соответствует поспешности блаженных духов увидеть Данта, дающего новую пищу их любви.

121. Так дух один промолвил мне, и снова
Мадонна мне сказала: Говори же
И верь той речи словно Божью слову!» —

124. — Дух, кого в свете собственном я вижу,
И этот свет в твоём казался взгляде,
Когда с улыбкой ты подходишь ближе!⁶⁴

127. Кто был ты и каких деяний ради
На этот светоч ты вселен, который
Для смертных в скромном кажется наряде?⁶⁵

130. Так с духом тем вступил я в разговоры,
Что речь со мной повел — и глядь! волнами
Свет загустел, блистая ярче взору.

133. Так солнца блеск, закутан облаками
В тот миг: когда рассеются туманы,
Себя скрывает в собственное пламя.

136. Беседою обрадован желанной,
Сей свет в огней сокрылся веренице,
И речь со мною он повел пространно,

139. О чем в грядущей песни говорится.

---

⁶⁴ Блаженные духа этой планеты сияют собственным светом, — новый шаг в сравнении с обитателями Луны.

⁶⁵ Планета Меркурий, находясь близко к Солнцу, видна на земле лишь в сумерки и в слабом свете, так как более яркое соседство Солнца затемняет ее лучи.

Песнь шестая

На Меркурии. – Речь Юстиниана об орле империи. – Политическая система Данта⁶⁶ – Обитатели Меркурия.

1. После того, когда полет орлиный,
Что вслед Энею так привык стремиться,
Перевернули руки Константина, —

2. Сто и сто лет и боле Зевса птица
В соседстве гор, где древле обитала,
На Европейской жизнь вела границе.⁶⁷

7. Так крыл ее священных покрывало,
Храня державу всех окрестных стран,
Ту власть из длани в длань передавало.

10. Я цезарь был, я был Юстиниан.⁶⁸
И мне любовь первичная велела,
Чтоб мной закон очищенный был дан.

13. Но прежде чем свершил я это дело,
Я в вере был слепым монофизитом;
Такая вера мне вполне довлекла;

16. Но пастырем великим Агапитом

---

⁶⁶ Политическая система Данта, о которой уже говорилось несколько раз прежде, покоится на трех основных положениях. В песни XVI, «Чистилища» мы видели первое из них, возведенное до широты, делающей эпоху: необходимость самостоятельной государственной власти для светского руководства и счастья подданных – политическая идея новейшего времени! Второе положение, свойственное специально средневековым, излагается в настоящей песни: орел, божественный институт всемирной империи, дарован Провидением в Энее Риму и с тех пор непрерывной нитью идет от основания Рима, чрез века царей, республики и кесарей вплоть до Карла Великого, а от него переходит на германских императоров священной империи, единственных законных обладателей Шалин, властных целить ее раны (Чистил. VI, 76). Этот своеобразный взгляд Данта известен читателю еще из 11 песни «Ада», и из него же вытекает третье основное положение системы – отношение императорской власти к папству, изложенное в 38 – 112 ст. XXXII песни «Чистилища». Через сопоставление с указанными местами, настоящая песнь вполне объясняется, служа их развитием и дополнением. О значении священной римской империи см. Брайс, Священная Римская Империя: «Это древнейшее в мире политическое учреждение была та самая империя, которую под утесами Акциума в борьбе с силами Востока завоевал хитрый племянник Юлия и которая в продолжение многих веков, не смотря на все изменения в своем протяжении, власти и характере, сохраняла почти неизменными все права и притязания, смысл которых давно уже исчез. Ничто так непосредственно не связывало древнего мира с новым, ничто не представляло столько странных контрастов настоящего и прошедшего и ничто не давало в этих контрастах столь много из европейской истории. Со времени Константина и далеко вглубь средних веков, она вместе с папством являлась центром и главой Христианского мира и оказывала на умы людей такое влияние, какого никогда не имела ее материал пая сила...»

⁶⁷ Эней держал путь по направлению от востока к западу в то время, когда он, первый основатель римского могущества, перенес пенатов Трои в Италию. Константин, перенеся столицу с запада на восток, повернул и орла империи в противоположном направлении, водворив «птицу Зевса» в Византию, в соседство горы Иды, места выхода Энея.

⁶⁸ Юстиниан (527–565) уничтожил последний оплот язычества – академию Прокла в Афинах и прославился изданием знаменитого кодекса, высокое значение которого Дант в ст. 11 и 12 возводит до того, что считает его как бы непосредственным откровением божественной любви в сфере права. Под влиянием своей супруги Феодоры он впал было в ересь монофизитов, но папа Агапит вновь обратил его к истине.

Наставлен был, его высокой речью
О таинстве, в учении том сокрытом.

19. Не видит так мышление человечесь, —
Как вижу я мои ошибки ясно, —
Ложь с истиной в любом противоречье!⁶⁹

22. Чуть стал я верить с церковью согласно,
Мне Божья милость стала велика,
На славный труд меня подвигнув властно.

25. Вручил я Велизарии войска,⁷⁰ —
И знаком, что приятно Богу это,
С ним Божия являлася рука.

28. Но к первому вернемся мы предмету⁷¹
Беседы; замечаньями однако
Я должен пояснить свои ответы,

31. Чтоб видел ты и смысл святого знака,
И прав ли, кто, себе его присвоя,
С ним борется, в противность правде всякой.⁷²

34. Теперь мы взглянем, доблестью какою
Он вознесен с минуты знаменитой,⁷³
Как пал Паллант за его славу в бое.

37. Ты знаешь, что на Альбе было свито
Гнездо орла по день, когда три брата
Тремя другими братьями побиты.⁷⁴

40. Ты знаешь то ж, — с сабинского захвата⁷⁵
До слез Лукреции его держава
Семью царей правлением поднята.

43. Ты знаешь, он предшествовал со славой
Войскам в сраженьях с Бренном или с Пирром,
Руководя ход их величаво;

---

⁶⁹ По закону исключения третьего.

⁷⁰ Велизарий совершил одно из славных дел Юстинианова царствования-завоевания Востока, между тем как Юстиниан сам в мере мог предаваться другому своему великому делу – заботам о законодательстве.

⁷¹ Этот первый предмет – ответ Юстиниана на вопрос Данта, кто он; хотя Юстиниан уже ответил на него, но поэт не хочет пропустить случая распространиться о высоком значении священной империи и ее символа – орла. Далее мы увидим этого орла еще в более превознесенном виде на Сатурне, в обители справедливых владык.

⁷² Гвельф.

⁷³ Палланг, союзник Энея, первый в бою с Турном пожертвовал жизнью за славу будущего Рима.

⁷⁴ Горации и Курнации.

⁷⁵ Дальнейшие Божии судьбы, приготавлившие, по мнению Данта, всемирное господство Рима. Упоминаемые исторические факты общеизвестны, «Власатый Квинтий» – Цинциннат. «Гордость арабья» – Кареагенская, по обычному приему Данта, заменять древние названия современными.

46. Потом ему достали власть над миром
Торкват, власатый Квинтий, Деций, Фабий, —
И славу, мне служившую кумиром,

49. Предел поставив гордости арабьей
В то время, как прошли сквозь Альпы Пуни
Чрез кормящие По ключи и хляби.

52. И Сципион возвысился им юный;
Помпей увенчан славою военной,
Горе, где ты родился, шля перуны.⁷⁶

55. Но небо восхотело дать вселенной
Мир, коего в нем образ; цели эти
Счел Цезарь Рима волею священной.

58. Его деянья стали славны в свете.
Их зрели Рейн, Изера, Сена, Сона
И Роны дол, цветущий в счастья цвете;

61. И что по переходе Рубикона
Так быстро эта птица совершила,
Перо или речь не передаст поденно.

64. В Испанию и в Дураццо устремила⁷⁷
Она войска, так поразив Фарсалу,
Что стало больно пламенному Нилу.

67. Антандр и Симоис, где ей начало,
Узрела вновь и прах детей Гекубы;
Потом на Птоломея вновь напала;

70. Там разразилась, словно гром, на Юбу⁷⁸
Она – и вновь ее пути свернуты
На запад ваш, Помпея слыша трубы,

73. Встал знаменосец следующий – Бруту⁷⁹
И Кассию скорбь суждена до ныне;
С Перузою Модена в скорбь замкнуты,

76. И Клеопатре искупить кручиной

---

⁷⁶ Гора Фьезоле, где прежде была расположена Флоренция, была местом собрания участников заговора Катилины, направленного к гибели римского владычества, но рассеянного Помпеем.

⁷⁷ При Дураццо и при Фарсале Цезарь разбил Помпея. Антандр – приморский город в малой Азии, Симоис – река близ Трои.

⁷⁸ Юба – нумидийский царь, укрывавший Помпея, Катона и Сципиона после битвы при Фарсале.

⁷⁹ После Цезаря знаменосцем, державшим орла, явился Август, наказавший убить Цезаря, которого Дант видел в Аду (XXXIV, 66, Ада).

Пришлось, от орла скрываясь в горе,
Миг, как укус был избран ей змеиный.

79. На Красное орел помчался море,
Всеобщий мир в краю упрочив всяком,
И Януса храм заперт был ей вскоре.

82. Но все, что свершено святым сим знаком,
Иль будет свершено на этом свете,
Ему покорном, – пустяком и мраком

85. Покажется, когда деянья эти
Глаз просветленный наш рассмотрит здраво.
В сравнение с тем, что сделал Цезарь третий;⁸⁰

88. И чрез меня вещающее право
Верховною его почтило честью,
За Божий гнев ему отмстить дав славу!

91. Дивись, к чему тебя стремлюсь привести я:
Потом орел при Тите мезью грянет
Над древнею греха людского мезью.⁸¹

94. Ломбардский зуб святую Церковь ранит —
И под ее крылами в блеске власти
Великий Карл на помощь ей предстанет!⁸²

97. Суди же тех, кого я в первой части

---

⁸⁰ Третий Цезарь – Тиверий, при котором был распят Христос.

⁸¹ Своеобразная диалектика! Распятие Христа для возмещения пред божьим правосудием наших грехов было необходимым актом Божьего правосудия па земле, исполнение которого и было поручено Богом единственному судье, юрисдикция которого простиралась бы на грехи всего мира, взятые на себя Христом, т. е. римскому императору я его представителю Палату. Но эта «честь отмстить за Божий гнев» для Рима является преступлением для Иудеев, отмстить которым опять-таки призван римский император Тит. В следующей песни это объясняется подробнее.

⁸² Дав абрис римской истории, поэт переходит к Карлу Великому и его преемникам. О значении помазания Карла Великого см. опять у Брайса; «Строго говоря, начало Священной Римской Империи должно быть отнесено к 800-му году, когда папа Лев III короновал короля французов императором римлян; это не только центральное событие средних веков; это одно из тех немногих событий, о которых, вырывая их из общей связи, можно сказать, что, если бы они не произошли, история мира была бы иная. Убийцы Цезаря думали, что они спасают Рим от монархии, но монархия явилась неизбежно при следующем поколении. Обращение Константина в христианство изменило лицо мира, но окончательная победа христианства представляла лишь вопрос времени. Но если бы Римская империя не была восстановлена на Западе в лице Карла, она вовсе не была бы восстановлена, и не было бы последовавшего затем бесконечного ряда хороших и дурных последствий. Для того чтобы уяснить себе мысли и мотивы лиц, участвовавших в этом событии, лучше всего привести рассказ современника: «И так как имя императора теперь исчезло у Греков, и их империей завладела женщина, то поэтому и самому папе Льву и всем святым отцам, присутствовавшим на том же совете, равно как и всем христианам казалось, что они должны избрать императором Карла, короля франков, чтобы, с помощью Бога и по молитве святителей и всего христианского народа, он имел и титул императора; и он принял это имя и посвящен в день Рождества господином папой Львом...» Итак, франкский король вовсе не собственной властью захватывает корону, но принимает ее, как естественное следствие своей фактической власти. Папа дает ему корону не в силу какого-нибудь своего права, как главы церкви, он только орудие божественного Промысла, указавшего Карла. Римский народ тоже не производит избрания. Самый акт коронования принимается, как прямое следование велению божественного провидения. Впоследствии, император, папа и народ, каждый порознь стал себе приписывать главную роль. В действительности это не было ни завоевание со стороны Карла, ни дарение со стороны папы. Шаг, сделанный папою, не имел прецедентов, а потому и не был законным, если не считать его за непосредственное действие Промысла, как он представлялся современникам...»

Беседы обвинял; недаром то мы
Считаем корнем наших всех несчастий!

100. Противоставил знаку мировому
Тот лилии – а этот – кто повинней? —
Так своему его присвоил дому!

103. Пусть гибеллины действуют отныне
Под новым знаком, чтобы прежний лживый
Уж отклика не встретил в гибеллине!

106. Знай, Карл, над ним смеющийся кичливо
Путем своих захватов и покупок:
Те когти льву сильнее сорвали гриву!

109. Оплачет сын отеческий проступок!⁸³
Свое оружие Бог не переменить!
В Его руках меч с лилиями хрупок. —

112. Сиянье сей звезды всех тех оденет,
Чьи от добра не уклонялись ноги,
Но кто заслуги в мире со славой ценит.

115. Когда желанья, отдаясь с дороги,
Нас к славе и к заслугам отвлекают,
Лучи любви уже не столь в нас строги.

118. Заслуги те нас частью насыщают;
Вот почему не менее и не боле
Блаженства наши души ощущают.

121. Насытит Божья правда нас дотоле,
Сердца у нас любовью покоя,
Что к злу дороги нету нашей воле.

124. Различье звуков разрешится в строе
Приятном, и различие удела
Гармонией становится святою.⁸⁴

---

⁸³ Теперь, доказав, что пред империей есть Богом установленный символ всемирного господства, Дант переходит к одинаковому осуждению обеих современных ему партий, как гвельфов, так и гибеллинов; причем последние, присвоив себе и своей партии этот верховный знак, ищут лишь своих выгод, а другие, заменив его лилиями французского короля, подрывают единственно законную в Италии власть германского императора. Пророчества бедствий относятся к Карлу Валуа.

⁸⁴ Окончив ответ на первый вопрос Данта, кто они, Юстиниан отвечает на вопрос (V, 128), почему Меркурий, это скромное и неяркое светило, назначен ему и его собратьям местопребыванием. Ответ на это таков: все находящиеся здесь души слитком стремились на земле к внешнему блеску и славе, что мешало совершенству их христианской добродетели; потому-то они и не поднялись в небо выше. Но это жилище им прилично, и они счастливы сознанием, что божественное правосудие предназначила им именно это место и никакое другое», а так как они, как и все праведные в раю вообще, довольны и счастливы своей ступенью, то это различие в отдельных тонах каждого из них производит один совместный аккорд небесной гармонии. Сравни. III, 49 и прим. к нему. Для примирения с исторической правдой требовалось, чтобы Юстиниан сознался сам в своем честолюбии потому что, не будь этого, он оказался бы чересчур превознесенным Дантом. Некоторые сопоставляют это место со стихом предыдущей песни «Вот кто любовь, нам жгущую, умножит!» и предполагают, что Дант, всего более обвиняющий

127. А вот блистает в этой искре белой⁸⁵
Ромео, чье не знало воздаянья
Великое и доблестное дело;

130. Но не гордится пусть его изгнанием
Прованс, зане тот дурен нестерпимо,
Кто злоупотребит благодеяньем!

133. Когда на тронах королевских чтимы
Раймонда Беранже четыре дщери, —
Заслуга то Ромео пилигримма.

136. Когда ж Раймонд, злым языкам поверя,
Изгнал его, обидев злобой ярой,
Семь за пять получил он, – не потери!

139. И тот ушел, беспомощный и старый,
Но если б мир проведал, как ходил он,
Куска вслед за куском моля, как дара,

142. Его бы еще боле восхвалил он!⁸⁶ —

себя в Чистилище (песнь XIII, 113, XI, 118) в гордости и высокомерии, предназначает себе звезду Меркурия вместо будущего жительства. Но гордость и честолюбие не одно и то же, а подобным же образом Данта приветствуют блаженные духи и на других планетах.

⁸⁵ Именем Ромео назывались вообще пилигриммы, ходившие на поклонение в Рим. Ромео, о котором идет речь, возвращаясь из паломничества, был принят на службу в качестве управителя графом Раймондом Беранже или Белингиери, властителем Прованса. Верно служа своему господину, он умножил его доходы до того, что все четыре дочери Раймонда вышла замуж за королей. Но Раймонд поверил клевете на Ромео и потребовал с него отчета, при чем оказались блестящие результаты его управления; однако, это недоверие так подействовало на верного слугу, что он покинул своего господина и, ушел от него таким же бедняком, как был ранее.

⁸⁶ Почему Ромео помещен здесь, трудно сказать, тем более что его честолюбие ни откуда не видно. Можно лишь предлагать, что Дант приписывает честолюбию его усиленные заботы о финансовом возвышении своего господина и его уход от него, когда на него пало подозрение. Ноттер делает еще предположение, что на Меркурии, же поселены те, слава которых на Земле помрачена по их же собственной вине. Наконец, некоторые придают особое значение словам, что он помещен здесь, несмотря на то, что его дело осталось без награды на земле.

Песнь седьмая

Беатриче говорит о грехе и искуплении, о творении посредственном и непосредственном.

1. – Осанна Богу истины и силы,
Которого сиянье сих блаженных
Духов огни сугубо просветлило!⁸⁷

3. Так снова к миру песен вдохновенных
Вернулась сущность та, блестя в повязке
Удвоенной красой лучей нетленных.⁸⁸

7. С другими свет умчался в стройной пляске,⁸⁹
Сверкая, как на синем небосклоне
Блестящих искр во тьме сверкают глазки.

10. – Скажи скорей, скажи своей Мадонне»,
Скажи ей все», – мне сердце говорило:
Где ты вождя отыщешь благосклонней?

13. Все ж то почтенье, что мне сродно было
При буквах В и ИСЕ, – мощной властью⁹⁰
Как сонному мне голову клонило.

16. Но Беатриче молвила, участие
Являя мне улыбкою столь сладкой,
Что дать могла сжигаемому счастье:

19. – Как верно мне гласит моя догадка,⁹¹ —
В возмездье должном справедливым карам
Не видишь ты законного порядка.

22. Но положив конец сомненьям старым,
Тебя терзать я не желаю доле

---

⁸⁷ В оригинале эта первая терцина по латыни с примесью еврейских слов: *Osanna sanctus Deus Sabaoth, Superillustrans claritate tua Felices ignes horum malaboth!*

⁸⁸ Указание на двойную заслугу Юстиниана – как законодателя и как завоевателя.

⁸⁹ Блаженные духи в одежде света выражают свое блаженство круговой пляской, которая тем оживленнее, блестящее и быстрее, чем выше степень их блаженства и радости. Многие находят такое выражение блаженства излишне низменным и земным; но что можно отыскать более величественного, чье круговое движение звезд во вселенной?

⁹⁰ *Vice* – уменьшительное от имени Беатриче.

⁹¹ Следующее – третье из систематических поучений относительно главных пунктов христианского познания, – вращается около двух главных мыслей: 1) почему необходимое для искупления распятие Христа явилось грехом для иудеев и было отмщено Титом (с 20–26) и 2) почему Бог избрал именно этот путь для искупления, когда (по Григорию Великому и Фоме Аквинскому) возможны и другие пути (ст. 58 – 120.)

И подарю великих истин даром.

25. Не потерпев узды полезной воле,
Муж не рождённый получил проклятье,
И проклят род, что произошел оттоле; —

28. И род его погиб бы без изъяття,
Не будь тот праотец людскому роду
Всевышнюю избавлен благодатью.

31. И со Творцом далекую природу
Любви предвечной действием слило Слово,
Решению предвечному в угоду.

34. Внимательней меня ты слушай снова:
Природа вся в начале, возникая,
Была к общению с Творцом готова,

37. Хотя сама себя лишила рая,
От жизни и от истины небесной
Свой путь по произволу отвращая.

40. Венец терновый с тяжкой мукой крестной
Природе, что приял за нас Распятый,
Был справедливой карою возмездной.

43. Несправедлива ж кара та стократы,
Когда мы личность примем в счет, какою
Мучения те были все подъяты.

46. Та смерть рождает следствие двойное:
Она приятна Богу и евреям;
Рай чрез нее открылся пред землею.

49. Еще ты помни: суд над Назореем
Свершал единый судия законный,
Которого мы на земле имеем.

52. Твой ум, от мысли к мысли увлеченный,
Теперь, я вижу, в новом сплетенье
Запутался в сети неразрешенной.

55. Ты говоришь: мне эти рассужденья
Понятны; но зачем путь столь жестокий
Был надобен для нашего спасенья?

58. Брат, тайна та темна земному оку

И не вместится в разуме убогом,⁹²
Что не согрет лучом любви глубокой;

61. Но ты поймешь, по размышление строгое,
Что путь, который вам столь ненавистен,
Достойнее всех прочих признан Богом.

64. Есть благодать, пламень коей бескорыстен,⁹³
И самобытным светом он сияет,
Первоисточник всех красот и истин.

67. Что без посредства благодать та рождает,⁹⁴
То бесконечно, ибо неизменна
Ее печать во веки пребывает.

70. Что без посредства, от нее рожденной, —
И не зависит и вполне свободно
От силы всяческой второстепенной.

73. Чем существо с ней будет ближе сродно, —
Тем рвения в нем священного начаток
Сильней, и тем оно с ней боле сходно.

76. В природе человека отпечаток
Ее полней, чем в прочем всем; но вредно
Хотя б один иметь ей недостаток.

79. Тем недостатком служит грех наследный;
Затем-то полнота ее сиянья
На человеке искрится столь бледно.

82. И человек в первоначальном сане
Мог возблистать лишь только, очищая
Грязь похотей святым огнем страданий.

85. Но праотца грехом природа злая
Была обречена на зло и бедства
И навсегда отторгнута от рая.

88. И чтобы то печальное наследство
На прежний сан переменить, лишь было
Возможно для Всевышнего два средства;

---

⁹² Дух напрасно стремится проникнуть в божественные тайны, когда он еще не созрел до них на огне любви.

⁹³ Превосходное выражение мысли, что миротворенье, как и искупление есть лишь акт безграничной божественной любви.

⁹⁴ Все, что сотворено Богом непосредственно (в отличие от того, что сотворено им через посредство таких непосредственных созданий), одарено высшими и драгоценными преимуществами, — бессмертия, свободы от всего «нового» т. е. от законов посредственного творчества, и богоподобием. Такие же преимущества имел и человек в своем до греховном состоянии. После грехопадения он утратил два последние, сохранив лишь первое — бессмертие как души, так и тела.

91. Иль чтобы милость Божья грех простила,
Иль чтоб свои грехи Адама чадо
Страданием добровольным искупило.

94. Так, углубив в совет предвечный взгляды,
Ты мне теперь внимай, чтоб убедиться,
Зачем нам искупление было надо.

97. Ведь человек в естественной границе
Грех возместить свой быть не мог способен,
Бессильный к послушанью возвратиться.

100. За не непослушаньем был он злобен
И до конца испорчен был душою;
Путь первый, значит, был бы неудобен.

103. И нужно было, чтоб Своей рукою
Бог совершил деянье искупленья
Одним из этих средств – иль чрез обои.

106. Но чем дороже для Творца творенье,
Чем сердца создающего благого
Полней оно являет отраженье;

109. И благодать вечная сама готова,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.